

А. В. Лушникова, Стратификация ирано-уральских языковых контактов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1990. 306 с.

4 декабря 1990 г. на заседании Специализированного совета Д 002. 17. 03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания АН СССР (Москва) состоялась защита кандидатской диссертации А. В. Лушниковой «Стратификация ирано-уральских языковых контактов». Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора В. И. Абаева. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук И. М. Стеблин-Каменский (Ленинград) и Е. А. Хелимский (Москва).

Пожалуй, трудно подобрать для работы сравнительно-исторического профиля более изученную тему, чем индоиранские заимствования в финно-угорских языках. Уже само по себе это обстоятельство заставляет предъявить к исследованию повышенные требования. Ряд монографий (Б. Мункачи, Г. Якобсон, Х. Шёлд, Э. Коренчи, К. Редени, во главе этого ряда, — блестящий компендий А. Й. Йоки «Uralier und Indogermanen», 1973) и с трудом обозримое количество статей не привели к решению всех сложных проблем темы, однако задали высокий уровень разработки и интерпретации материала.

Можно констатировать, что работа А. В. Лушниковой в ряде моментов отвечает этим повышенным требованиям и кое в чем превосходит предшествующие исследования. Это касается, в частности, особо тщательной историко-фонетической проработки арийского и иранского материала с учетом различий между диахроническими срезами и относительной хронологии изменений, использования хронологически скорректированных праформ для слов-источников, а также некоторых частных результатов, например, в связи с проблемой двоякой рефлексации ар. *ā, *ā в виде ф.-у. *a и *o. И в то же время я не рискнул бы утверждать, что цель, обозначенная заглавием, достигнута и что в дальнейшем специалисты по индоевропеистике и уралистике могут уверенно опереться на предложенную автором стратификацию заимствований.

Работу открывают «Введение» и изложенная довольно кратко, но вполне квалифицированно «История вопроса». Далее следуют четыре главы, соответствующие четырем основным стратам заимствований, выделяемым автором: «Арийские и индоиранские заимствования в финно-угорских языках», «Общеиранские заимствования в финно-угорских языках», «Скифо-сарматские заимствования в финно-угорских языках», «Аланские заимствования в венгерском языке». В небольшой пятой главе, «Реально-семантический разбор заимствованной лексики», рассматриваются вопросы хронологии, локализации и характера контактных взаимодействий. Изложение материала завершает «Заключение». Среди приложений основное место занимает комментированный перечень 205 использованных в работе этимологий, приведенных в алфавите арийских, индоиранских, иранских, скифо-сарматских, аланских реконструкций (с. 168—204).

В периодизации контактов употреблена схема В. И. Абаева (см.: Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. — Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.), Москва 1981). Первый период охватывает контакты между арийским и индоиранским, с одной стороны, и финно-угорским (середина III — конец III тыс. до н. э.), а затем порознь финно-пермским и угорским (конец III — начало II тыс. до н. э.), с другой. После распада индоиранской языковой общности и отхода на юг индоариев продолжают контакты общеиранского с угорским (начало II — конец II тыс. до н. э.), с финно-пермским (начало II — середина II тыс. до н. э.), а затем порознь с пермским и, периферийно, с волжской частью финно-волжского (середина II — конец II тыс. до н. э.). Затем после распада иранской языковой общности лишь ее северная, скифо-сарматская (сако-массагетская) ветвь сохраняет контакты преимущественно с пермским и угорским, а затем с отдельными угорскими языками (конец II тыс. до н. э. — первые века н. э.). Алано-

венгерские контакты в придонских и северокавказских степях предлагается датировать VI—IX вв. н. э.

Безусловно, данная периодизация более удачна, чем, например, схема К. Реден, где во главу угла ставится распространенность рефлексов заимствований в уральских языках и вследствие этого, например, ранние (общефинно-угорские) заимствования, сохранившиеся только в финно-пермских языках, попадают в один разряд с более поздними, собственно финно-пермскими иранизмами. С другой стороны, к критерию распространенности в финно-угорских языках сама А. В. Лушникова отнеслась недостаточно внимательно. Иначе можно было бы заметить, что один из выделяемых ею хронологических срезов — заимствования, воспринятые из индоиранского после изменений поздней. $*\acute{c}/*s >$ и-ир. $*s$ и и-е. $*\acute{e}$, $*\acute{e} >$ и-ир. $*\check{a}$, $*\check{a}$ (с. 47—48) — представлен почти исключительно угорской (часто только венгерской) лексикой¹, что очевидным образом мешает считать эти заимствования общефинно-угорскими и тем самым нарушает хронологическую упорядоченность: и в предшествующем, и в последующем срезах хорошо представлены несомненные общефинно-угорские заимствования. Гораздо естественнее было бы предполагать, что перед нами относительно более поздние заимствования из некоего индоиранского диалекта, характеризовавшегося наличием \check{a} на месте и-е. $*\acute{e}$ (или вторичным развитием $\check{a} > \check{a}^?$) и имевшего преимущественные контакты с угорским.

В этой связи возникает весьма существенный и давно занимающий рецензента вопрос: являются ли иранизмами все «пост-арийские» заимствования в финно-угорских языках? А. В. Лушникова допускает в качестве альтернативы только версию о наличии заимствований из индоарийского (с. 9, 45), справедливо, впрочем, не уделяя особого внимания этой малоправдоподобной версии. Реальна, однако, и другая возможность: после

распада арийской общности в степях и лесостепях Евразии могла остаться и длительное время существовать некая четвертая (наряду с иранской, индоарийской, нуристанской) ветвь ариев. В языке или языках этой не сохранившейся до наших дней и не оставившей памятников ветви могло не произойти характерных общеиранских фонетических изменений, в частности, мог сохраниться $*s$ (давший ир. $*h$). При подобном предположении отпадает необходимость постулировать прафинно-угорскую древность таких локально представленных заимствований, как морд. *raz*, *paravaz* 'Бог, счастье' (ар. *bhagas*), морд. *tarvaz* 'арп' (ар. **dhar-gas* или **darghas*), перм. **sur* 'пиво' (ар. **surā*) и т. д. Вполне естественное объяснение находит и то обстоятельство, что среди арийских заимствований в финно-угорских языках слова без точных иранских параллелей встречаются даже несколько чаще, чем слова без точных индоарийских параллелей.

Представляется, что работа только выиграла бы, если бы А. В. Лушникова учла подобную возможность и либо опровергла ее убедительными контраргументами (рецензенту таковые неизвестны), либо признала и, в идеальном случае, попыталась реконструировать характерные черты «четвертой арийской ветви». Пока же изучение затронутой проблемы приходится считать задачей дальнейших исследований.

В связи с предложенной автором периодизацией возникают и хронологические сложности. Датировки отдаленных праязыковых состояний и в иранистике, и особенно в финно-угроведении, вообще говоря, носят ориентировочный характер, свободно давая «допуск» на несколько веков в ту или другую сторону. Поэтому в целом изложенная хронология выглядит неоправданно точной. Следует, далее, иметь в виду, что при выделении периодов автор апеллирует к экстралингвистическим событиям (распад той или иной праязыковой общности), тогда как стратификация лексики по этим периодам опирается на собственно лингвистические, главным образом фонетические, критерии. Естественно, что точного соответствия при этом быть не может: ранние иранские заимствования могли сохранять еще вполне индо-

¹ Во всех трех отнесенных автором сюда же финно-угорских этимологиях ('доить'; 'молоко', 'веревка', 'зерно') реконструкция $*\check{a}$ ненадежна, а ведь именно этот гласный служит критерием принадлежности к данному срезу.

иранский вид, ранние скифо-сарматизмы — вполне общепранский и т. д.

Представляется, что особого внимания и положительной оценки заслуживают результаты А. В. Лушниковой, связанные с объяснением вокалических рефлексов в заимствованиях. Как известно, на месте ар. **ā* (из и.-е. **ā*, **ō*, **ē*) в финно-угорском выступают, наряду с **a*, также **o* и **e*, причем нередко — хотя и не во всех случаях — наблюдается соответствие между исходным индоевропейским тембром гласного и его качеством в финно-угорском. Это приводило многих исследователей к выводу, что слова с подобным соответствием заимствованы из доарийских индоевропейских диалектов или же из такого арийского диалекта, в котором еще не произошло совпадение гласных. Попытка Н. Минисси связать появление *o*-окраски в финно-угорском у ар. **ā* с позицией перед **r* (подобное объяснение принимают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, поскольку концепция их работы «Индоевропейский язык и индоевропейцы» просто не оставляет места для контактов финно-угорского с доарийскими диалектами) сталкивается со слишком большим числом исключений и должна быть признана неудачной. А. В. Лушниковой удалось установить два важных правила, объясняющих финно-угорские рефлексии арийского вокализма. Согласно первому, ар. **ā* (из и.-е. **ā*, **ō*, **ē*) > ф.-у. **o* в абсолютном начале слова, ср. ф.-у. **omtara*, **ontara* 'внутренность' < ар. **antara* < и.-е. **en-tero*- (всего 9 примеров). Второе правило устанавливает рефлексацию ар. **r* (как нулевой ступени к **ar*) через ф.-у. **er*, ср. ф.-у. (морд.) **werkas* 'волк' < ар. **urkas* < и.-е. **ulku* ^u *o* _s (всего 10 примеров).

Эти результаты существенно сокращают число таких заимствований, вокализм которых приходится объяснять из диалектов доарийского или архаического типа, хотя и не отменяют полностью такого объяснения: к доарийскому (позднему праиндоевропейскому) периоду автор относит проникновение таких слов, как ф.-у. **kota* 'дом', **arwa* 'цена', **mete* 'мед', **se(j)te* 'мост' и, возможно, некоторых других. Можно согласиться, что финно-угорские данные (фонетика, семантика,

географическая дистрибуция) не противоречат такому выводу.

Интересен и, как правило, корректен историко-фонетический анализ и в других разделах работы. Как уже отмечалось, большую ценность придает ей использованные иранские реконструкции того хронологического уровня, который, с точки зрения автора, соответствует возрасту заимствований. Впервые систематически и последовательно указываются не только арийские и индоевропейские, но и иранские, скифо-сарматские и аланские праформы, что существенно для более детального изучения процессов исторического развития в пермских, обско-угорских, венгерском языках.

Ошибка, однако, утверждение, что «в аланском получает отражение характерное для осетинского языка явление — отпадение начального и среднего *v*, что проявляется в заимствованиях» (с. 109). Приводимые примеры — венг. *özvegy* 'вдова, вдовец' из алан. **vidväz* (< **vidavati*, осет. *idäz*) и венг. *öröm* 'радость' из алан. **vi-räm* (< **vi-ram* 'покой, радость', ср. осет. *ramun* 'покоиться') — указывают как раз на заимствование формы с начальным *v*-, что и объясняет лабиализованный венг. *ö-* (ср. венг. *öl* 'убить' < ф.-у. **wedz*-, венг. *öt* 'пять' < ф.-у. **witte*); при отпадшем *v*- в аланском источнике мы бы имели венг. *ē*-.

В работе встречаются и другие неточности в использовании и интерпретации уральского материала. На с. 58 переход ф.-у. **š* > мар. *š* оценивается как возможное свидетельство «шипящего» звучания ф.-у. **š*; но в большинстве марийских диалектов в *š* совпали все праязыковые сибиланты, в том числе и явно не шипящий **s*. На с. 191 фигурирует некий странный язык — «самод. Т»; за этим обозначением, явно перекочевавшим из какого-то иноязычного источника, кроется нганасанский (тавгийско-самоедский) язык. Предлагая собственные этимологии финно-угорских слов как иранских заимствований (см. ниже о № 50 и 156), автор оставляет без внимания их существующие этимологии, вероятно, просто не зная их. Конечно, недочеты такого рода можно в изобилии отыскать во многих работах, в том числе и достаточно авторитетных

(например, в КЭСК); но при оценке данного исследования за точку отсчета приходится брать безупречную в этом отношении монографию Йоки.

Кратко прокомментирую некоторые статьи из этимологического приложения.

№ 2: Как финно-угорская, так и аланская этимология венг. *íz* 'вкус' неудовлетворительны в фонетическом отношении. Скорее всего, слово заимствовано из тюрк. *jūd/jīs/īs* 'запах'.

№ 11: Выглядит неправдоподобным объяснение венг. *csend* 'тишина' как метатезы из **ncsed* < алан. **āncād-* (почему утрачен анлаутный гласный?). Вообще, А. В. Лушникова некритически подошла к алано-венгерским и скифо-пермским сопоставлениям В. И. Абаева, среди которых, наряду с замечательными этимологическими решениями (венг. *ördög* 'черт' из алан. **ārdoγ-кир.* **drauga* 'ложь', № 21; *ember* 'человек' из скиф.-сарм. **hambārya-* 'спутник, товарищ по конному походу' = осет. *ambal*, № 69; *ismer* 'знать' из алан. **smār* = осет. *fæ-smær-un*, № 146), имеется и несколько очень сомнительных сближений (№ 91, 107, 110, 144, 145, 159 — венг. *mély* 'глубокий' *mag* 'зерно', *nép* 'народ', коми *šik* 'группа', венг. *szag* 'запах', коми *taržini* 'дрожать').

№ 17: Оставлены без объяснения финно-угорские формы, восходящие к основе **omte*, **onte* (а не к **omtara*, **ontara*).

№ 25: Иранская этимология манс. *ārās* 'огонь, очаг' очень сомнительна.

№ 37: Неудачна этимология манс. **pēiž* 'старшая сестра мужа' из ир. **banda-* 'родство, родич' — в частности, не находит объяснения палатализация *ñ* в мансийском.

№ 44: Мордовских форм (*šeja*, *šava* 'коза') недостаточно для реконструкции ф.-у. **čaka* (**čaγa*). Морд. *š-* вполне может восходить к **š*; в этом случае заимствование может отражать не ар. **čāgā* 'коза', а более позднюю иранскую форму.

№ 50: Цитируемое по источнику 1775 г. мар. *түредам* 'жну, стригу' — не что иное, как мар. *түредаш*, Г т *түрэдаш* 'стричь, жать', дериват от *түр*, Г т *тыр* 'лезвие, край' (~ фин. *terä*), и сравнение с иранскими словами 'сerp', 'жать, косить'

неприемлемо. Семантически слишком далеки и коми *дорны*, удм. *дурьны* 'ковать'.

№ 63: Непосредственное заимствование венг. *kincs* 'сокровище' из алан. **gānzā* очень сомнительно (ср. венг. *gazdag* 'богатый' из алан. **gāzduγ*, № 64), но не исключено, что венг. < тюрк. *kānz* < ир.

№ 65: Маловероятно по семантическим причинам возведение перм. **gor* 'звук, напев' к ир. **gr-* 'славословить'.

№ 66: Отказываясь от предложенного мною (НУК 86, 198) объяснения перм. **gort* 'дом' из тюрк. **γurt*, А. В. Лушникова использует традиционную иранскую этимологию этого слова (ир. **grda-*), но все же не объясняет развитие ир. *rd* > перм. *rt*.

№ 74: Вокализм венг. *kivan* 'желать', *kény* 'желание' не дает никаких оснований реконструировать уг. **kami-*, что препятствует возведению к ар. **kāmyā-*.

№ 79: Стремясь обосновать возведение венг. *harap* 'кусать' к скиф.-сарм. **karap-* 'жадный, обжора', автор приписывает венгерскому слову — вопреки словарям — значение 'жадно есть' и даже выносит это фиктивное значение на первое место.

№ 93: Сомнительно объяснение (по Б. Мункачи) венг. *menny* 'небо' из скиф.-сарм. **mēnyu-* 'дух'.

№ 95: Фонетические соображения препятствуют возведению уг. **mañcz/mañčz* 'человек' к ар. **manuš*, хотя какая-то связь между этими формами не исключена (ср. В. М. Илл и ч-С в и т ы ч, Опыт сравнения ностратических языков, т. II, Москва 1976, с. 58—59).

№ 121: Фин. *piimä* 'простокваша', эст. *piim* 'молоко' следовало бы выделить отдельной статьей, возводя их непосредственно к формам типа авест. *paēman-* 'материнское молоко'.

№ 145: Предполагаемое преобразование алан. *smag* 'запах' в венг. *szag* фонетически не закономерно, ср. алан. **smār* > венг. *ismer* (№ 146).

№ 156: Небезынтересно сравнение морд. *ška* 'время' со скиф.-сарм. **ška-* 'проходить (о времени)', хот-сак. *skyäta* 'время' (этимология А. В. Лушниковой). Однако обычно морд. *ška* сравнивают с фин. *hetki* и др., возведя к фин.-перм.

čäčke* (čöčke*) 'период, определенное время' (SKES, КЭСК sub *čöž*, UEW 620).

№ 169: Этимология Э. Коренчи (скиф.-сарм. **van(a)*- 'дерево, лес' > об.-уг. **wän*- 'мыс, коса, лес на высоком месте') очень сомнительна.

№ 188: Непонятны критерии, в силу которых об.-уг. **wätz* 'ветер' отнесено к заимствованиям из общеиранского или раннескифо-сарматского (фонетика допускает отнесение и к более ранним, и к более поздним стратам).

№ 202: Несмотря на весьма существенные различия в вокализме, к скифо-сарматизмам отнесены и уг. **saraña* 'золото', и перм. **zarñi*, и волж.-фин. **serñä*. Случаи такого рода вынуждают сомневаться в точности предлагаемой стратификации.

К несомненным достоинствам рабо-

ты следует отнести четкость и лаконизм изложения, умелое построение этимологических статей, удобные краткие отсылки к ним в основных главах. В целом удовлетворяет и техническое оформление работы, хотя имеются опечатки; в приложениях не озаглавлены таблицы и неудачно вклеены карты.

Сам по себе выбор темы вынудил рецензента оценивать работу по высоким меркам. А. В. Лушникова не во всем успешно, но вполне достойно поддержала богатые традиции в разработке проблемы ирано-уральских языковых контактов и несомненно продемонстрировала исследовательскую квалификацию, позволяющую ожидать от нее дальнейших успехов в разработке вопросов иранского языкознания и смежных с ними вопросов финно-угроведения.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

ZUM TREFFEN VON ERFORSCHERN DER OSTSEEFINNISCHEN ETHNOGENESE IN LENINGRAD

Vom 14. bis 16. November 1990 fand im Ethnographischen Museum der Völker der UdSSR in Leningrad eine Konferenz statt, die den Problemen ethnogenetischer Beziehungen zwischen den ostseefinnischen Völkern untereinander und mit anderen Völkern gewidmet war. Eine ähnliche Beratung von Finnougristen war bereits 1988 in Leningrad durchgeführt worden und kürzlich erschien darüber ein Band mit den damals gehaltenen Vorträgen (Современное финноугроведение. Опыт и проблемы, Ленинград 1990). Mit der diesjährigen Zusammenkunft wurde der 100. Geburtstag von D. V. Bubrich begangen. Insgesamt hörte man sich 38 Vorträge von Ethnographen, Archäologen, Linguisten, Historikern, Anthropologen und Folkloristen an. Die meisten der Konferenzteilnehmer kamen aus Leningrad, wo man sich im Ethnographischen Institut und Archäologischen Institut der Akademie der Wissenschaften der UdSSR, an der Universität und im Ethnographischen Museum mit Problemen der Finnougristik beschäftigt. Acht Vorträge wurden von Wissenschaftlern aus Karelien und vier von Forschern aus Estland gehalten.

Z. M. Dubrovina und G. M. Kert sprachen über das Schaffen von D. V. Bubrich. A. Laanest trug seine Hypothese über die Ethnogenese der Ingrier vor, die sich neben phonetischem und morphologischem Faktenmaterial auch auf die für den Europäischen Sprachatlas gesammelte Lexik gründet. Doch Ausführungen zur Ethnogenese der Ingrier waren auch von der Leningrader Archäologin O. I. Koňkova zu hören. Noch bis vor kurzem war das gegenwärtige Siedlungsgebiet des ingrischen Volkes im Küstenbereich des Finnischen Meerbusens archäologisch gesehen ein weißer Fleck. Vor allem im letzten Jahrzehnt konnten Forscher aus Leningrad in diesem Gebiet viele Begräbnisstätten, von denen die ältesten mit dem 14. Jahrhundert datiert werden, entdecken. Sollte sich nun erweisen, daß diese Funde mit den Ingriern in Verbindung stehen, dann müßte ihre Abwanderung in Richtung Westen, bis etwa zur Halbinsel Kurkoola viel früher als bisher angenommen stattgefunden haben (s. auch den Artikel von Koňkova im vorn erwähnten Band, S. 31—35).

H. Heinsoo ging in ihrem Vortrag